

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	11
Сибирские купцы	15
Сибирские купцы в более широком контексте	19
Имперская и советская историография	24
Постсоветская историография	32
Интеграция России в мировую историю: история капитализма и взлета Запада	37
Об империи	48

Часть первая. Торговля и империя

<i>Глава 1. «Ради наживы и царя»: торговля в России раннего Нового времени</i>	<i>58</i>
Уход от дихотомии «Восток — Запад»	59
Пересмотр места Руси в мире	62
Торговля — средоточие Московского государства	64
Путешествие Афанасия Никитина в Индию	66
Подъем Московии	68
Водораздел XVI века	72
Государство коммерческого активизма	80
Российские доходы	83
Развитие восточной торговли	87
Купеческие диаспоры	91
Торговля Востока с Западом: мост и сторож	95
Государственные монополии	98
Налогообложение — раннее регулирование	100
Протекционизм	103
Коммерческий корпус	108
Заключение	110
<i>Глава 2. Сибирь в евразийском контексте</i>	<i>112</i>
Ислам в Евразии	115
Сибирь во времени	118
Сибирское ханство	119

Входит Московия	122
Российская экспансия в Сибирь	124
Пушнина в широком контексте	131
Инструменталистский подход к торговле	138
Сибирская экономика	141
Место сибирской экономики в России	143
Волжская торговля: Казань и Астрахань	147
Заключение: торгово-ориентированная не-вполне-колония	154

***Часть вторая. Пространства обмена:
от центра к периферии***

Глава 3. Пространства обмена: государственные структуры	164
Установление российской власти в Западной Сибири	165
Реки, формирующие империю	172
Людские ресурсы и политика: вовлечение и подозрительность	181
Минималистски-активистское государство	186
Сибирское таможенное управление	193
Таможенный персонал	207
Заключение	210
Глава 4. Пространства обмена: видимое и невидимое	212
Торговый мир Сибири раннего Нового времени	212
Места торговли: гостиный двор	218
Каждодневная торговля	222
Жизнь купца	226
Там, где государство не увидит	233
Сторожа сторожей	239
Неформальные каналы обмена	244
Заключение	248
Глава 5. Связующее звено евразийской торговли: Ямыш-озеро	253
Вдоль Иртыша	254
Особенности пространства: отдаленность с точки зрения раннего Нового времени	256
Знакомство с Иртышом	260
Торговля и конфликт в степном пограничье	266
Соль и политика на Ямыш-озере	269
Русские на Ямышевском рынке	276
Прибыль за границами России	279
Скандал	282

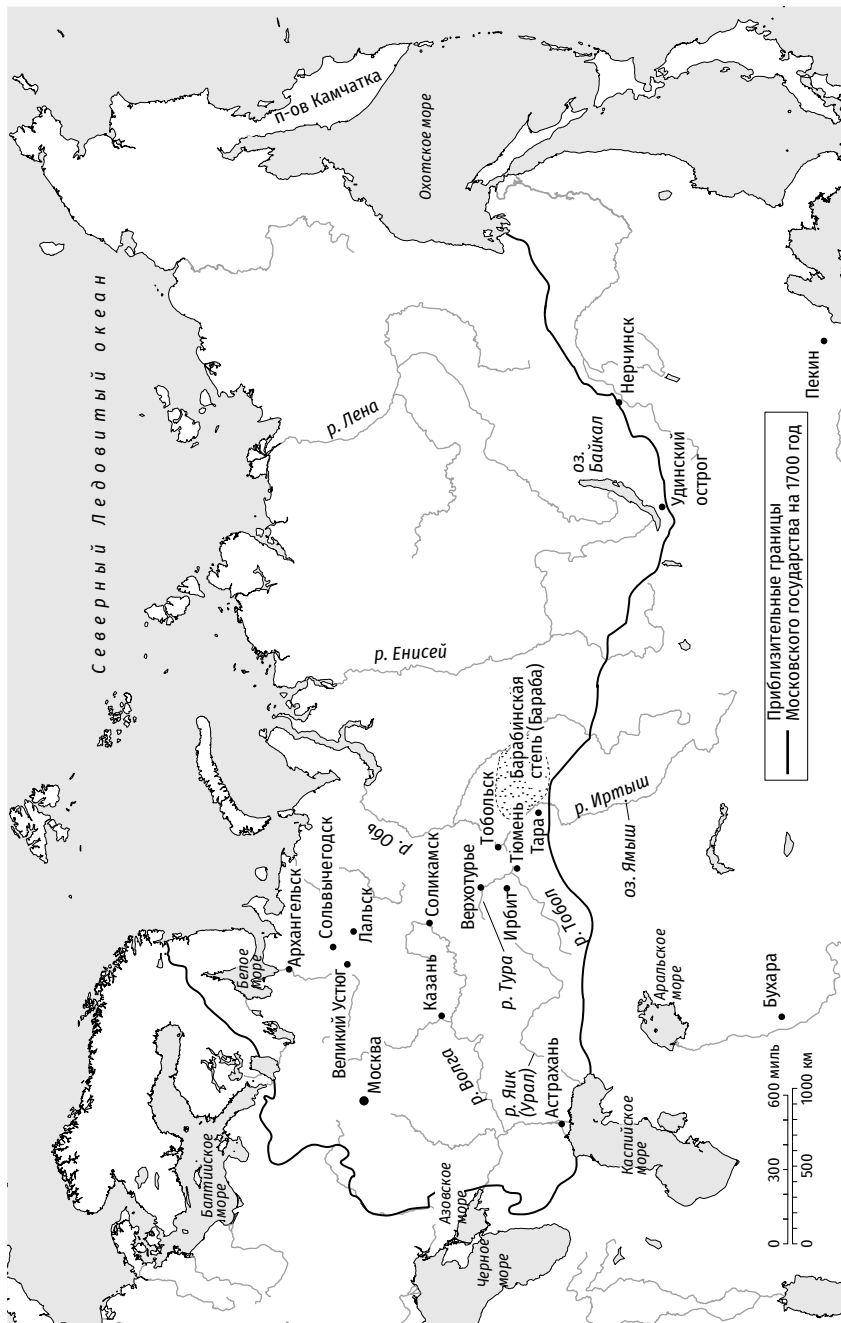
Постоянная таможня в Ямышевске	286
Евразийская торговля: перемещение, рост	288
Расширение империи: Иртышская линия	291
Заключение	296

Часть третья. Сибирские купцы

<i>Глава 6. Элиты раннего Нового времени: семья Филатьевых</i>	<i>302</i>
Ранние Филатьевы	304
Остафий Иванович Филатьев	308
Торговля с Китаем	319
Внутри сети Филатьевых	324
Имущество и «соляные войны»	332
Следующее поколение Филатьевых:	
Василий и Алексей Остафьевичи	336
Филатьевы в Петровскую эпоху	342
Культура, класс: к вопросу о статусе гостей	347
Судьбы Филатьевых в послепетровскую эпоху	356
Заключение	361
<i>Глава 7. Торговля и вероисповедание: семья Шабабиных</i>	<i>363</i>
Кто были бухарцы в Сибири	369
Поколение 1: Шаба Сеитов (1652–1657)	378
Поколение 2: Ашмен Шабабин (1672–1704)	390
Уступки исламу, поиск доходов	398
Поколение 3: Шаба Ашменев (1704–1762)	403
Поколение 4: Сеит Шабин сын Шабабин (1742–1793)	416
Крещения с последующим оспариванием	418
Поколение 5: Сулейман Сеитов сын Шабабин (1762–1768)	422
Заключение	423
<i>Глава 8. Купцы средней руки</i>	<i>426</i>
Отсутствие исследований отсутствующего среднего класса	427
Семья Норицыных	429
Анатомия гостинной сотни	440
Гостевы	442
Спиридон Яковлев Лянгусов	448
Гостинная сотня и государственная торговля с Китаем	457
Сибирь в империи: не как транзит, но как место	461
Размышления о мобильности	464

Заключение	467
Государство коммерческого активизма в Евразии	469
Россия в мире	472
Петр I и торговля	476
Экономики раннего Нового времени	484
К вопросу о российской «отсталости»	485
К стереотипам о русских купцах	488
<i>Послесловие. Разные значения Сибири</i>	<i>502</i>
Благодарности	508
Библиография	512
Словарь терминов	546
Сокращения	548
Указатель географических названий	549
Указатель имен	555

Посвящаю Сету

Карта 1. Евразия на рубеже XVII–XVIII веков

ВВЕДЕНИЕ

Merchant Adventurer, and free of Russia.

*Эпитафия на надгробном камне
Ричарда Чемберлена, умершего в 1562 году*

И тот де индиец тому гораздо подивился, что ему нигде обиды нихто ничего не учинил.

*Доклад Посольского приказа о беседе
с индийским купцом Сутуром Кедековым, XVII век*

Ричард Чемберлен торговал скобяными изделиями, был членом городского управления и купцом. Он был одним из учредителей Компании купцов-путешественников для открытия новых земель, предшественницы Российской компании, которая, будучи сформирована в 1555 году, стала первой масштабной торговой компанией раннего Нового времени. Когда в 1566 году Чемберлен был похоронен рядом со своей первой женой на кладбище прихода Святого Олафа в Лондоне, эпитафия на его надгробном камне гласила: «Merchant Adventurer, and free of Russia»¹. Вероятно, эту фразу следует перевести «купец-путешественник, вольный жить и торговать в России» — интересно, что он выбрал подобную формулировку, которая в XVI веке не была в официальном ходу ни в Российской компании, ни у властителей самой России. Однако, столкнувшись с этой эпитафией, я услышала ее по-своему. В 1990-х годах, когда Россия открылась, я сама пыталась заниматься бизнесом в этой стране, и, вспоминая этот опыт хронических трудностей и осознания тщетности любых моих усилий, я отнеслась к этому человеку с горячим сочувствием. Я перевела фразу «free of Russia» как «свободный

¹ Willan T.S. The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, UK: Manchester University Press, 1953.

от России» и слышала, как Чемберлен произносит ее со вздохом измученного человека, наконец освободившегося от тяжелого бремени, для которого это освобождение важнее успеха или неудачи, и сообщает потомству, что ему уже не придется нести тяготы российского делового мира. Ему хватило¹. Если Чемберлен хотел поделиться именно этим чувством, он был отнюдь не единственным, кого доконало ведение дел в России. Многочисленные источники сетуют на продажных чиновников, ненадежных партнеров, ужасающие трудности с логистикой, холод, расстояние, аморфную нормативно-правовую базу, а также языковые и культурные барьеры, затруднявшие поиск покупателей в России. Все это мешало не только иностранцам, но и местным уроженцам. Даже самые привилегированные русские купцы имели дело с конкуренцией с обоих концов социального спектра. Немало предприимчивых крестьян с Русского Севера, начав с мелочной торговли, стали богатейшими купцами. Еще находясь внизу общественной лестницы, они иногда выступали в роли приказчиков иностранных купцов, что угрожало их более богатым соотечественникам потерей конкурентных преимуществ. Но и самые влиятельные лица в стране не гнушались торговли: боярин Борис Иванович Морозов, свояк царя, активно участвовал в двух важнейших экспортных отраслях Московии, вывозе юфти и поташа². Нелегко было делать дела в Московии.

И однако же высеченная в камне эпитафия английского предпринимателя не отдает должное широчайшему спектру возможностей, открывавшихся для торговли в России раннего Нового времени. К слову, будучи англичанином в России во времена Ивана IV, Чемберлен был освобожден от всех пошлин — на такие льготы не могли рассчитывать даже самые привилегированные русские купцы. И конечно же, не было такой льготы у индийского купца-экспата Сутура Кедекова. Более того, будучи временным жителем Астрахани, Кедеков платил одну из самых высоких пошлин в России, и все же он «гораздо подивился»

¹ Выражаю благодарность Грегу Афиногенову, обратившему на это мое внимание.

² *Гейман В. Г.* О хозяйстве боярина Б. И. Морозова // *Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.* / Отв. ред. С. Г. Томсинский. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. LXX-LXXXIII.

благоприятным условиям для торговли, с которыми он столкнулся. По его словам, в отличие от Персии, нигде в России, ни в Астрахани, ни в Казани, «обид никаких ни от кого не было и торговать ему дали повольною торговлею... пошлину имали прямую и отпускали ево везде без задержания»¹. Разумеется, фразу индийца, дошедшую до нас в докладе Посольского приказа, можно воспринимать со скепсисом. У купца могли быть причины приукрашивать свои впечатления в беседе с дьяком, задававшим ему вопросы, но мы не должны исходить из того, что дьяк приукрасил свой доклад: как же тогда объяснить объемистые жалобы на злоупотребления, которые такие же дьяки сохранили для истории?

Дело в том, что взгляд через призму опыта Кедекова отнюдь не является господствующим в историографии, посвященной российской торговле: как правило, в книгах историков государство предстает жестоким и давящим, а русские купцы — мошенниками, причем и государство, и купцы отличаются крайней некомпетентностью. Но перспектива нашего индийца заслуживает внимания — Кедеков был отнюдь не одинок. Не вполне ясно, была ли торговая среда действительно столь располагающей или же просто прибыль от торговли в России вознаграждала за все трудности, но факт остается фактом: тысячи купцов приезжали торговать в Россию раннего Нового времени. На протяжении XVII столетия Российская империя приняла тысячи переселенцев с Ближнего и Среднего Востока, из Центральной Азии и Индии (но не из Китая). В 1730-х годах, опрашивая потомков эмигрантов из Бухары, немецкий академик Г. Ф. Миллер получил сходные ответы: их предки переехали в Сибирь, потому что там было удобно торговать. Может ли быть так, что Московия была столь благоприятной для коммерции по сравнению с системами, находившимися к востоку от нее, а по сравнению с системами, лежащими к западу, московский торговый мир был хаотичным и коррумпированным? Эта версия (проблемная тем, что она воплощает ориенталистские общие представления о Востоке и Западе) меркнет на глазах, если вспомнить, что в XVII веке

¹ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 161.

в Россию надолго переехали почти 1400 западных европейцев. Некоторые европейские купеческие семьи действовали в России на протяжении почти всего столетия; 50 английских, голландских и немецких купцов крестились в православие, сделав Россию своей физической и духовной родиной¹. А Ричард Чемберлен принадлежал к первому поколению купцов Московской компании — тем, кому Иван IV даровал щедрые льготы в обмен на английское оружие и в надежде на так и не заключенный союз. Я не хочу сбрасывать со счетов последнее слово умирающего человека, обращенное к потомкам, но при Романовых английским купцам в России пришлось тяжелее, нежели Чемберлену. Однако же они продолжали туда ездить.

Столкновение этих двух взглядов приводит нас к цели этой книги: описать деловой климат и рассказать о жизни купцов в России раннего Нового времени. Два приведенных выше примера связаны с иностранными купцами, чьи коммерческие интересы на время привели их в Россию. Разумеется, мы не отказались бы узнать о тысячах других купцов, относящихся к этой же категории. Но мы еще меньше знаем о тех купцах, которые были подданными царя. Эта книга посвящена им. Конечно, одна книга не может начать повествование об истории всех таких купцов в России раннего Нового времени, особенно принимая во внимание утверждение Иоганна де Родеса, что в России торговали все. «Всякий — пишет он, — даже от самого высшего до самого низшего, занимается и думает только о том, как бы он мог то тут, то там выискать и получить некоторую прибыль»². Поэтому настоящая книга сосредотачивает свое внимание на купцах, торговавших самыми различными товарами,

¹ Демкин А. В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М.: Б. и., 1992. С. 11; Захаров В. Н. Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1985. Т. 112. С. 177–214. Как сообщает Мария Арель, в первой половине XVII века в Москве жили тридцать восемь «московских иностранцев», европейских купцов, обратившихся в православие. См.: *Arel M. S. Masters in Their Own House: The Russian Merchant Elite and Complaints against the English in the First Half of the Seventeenth Century* // *Slavic and East European Review*. 1999. Vol. 77. № 3. P. 407.

² Родес И. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса / Пер. Б. Г. Курца. М.: Синодальная типография, 1914. С. 149.

привезенными в Россию западными и восточными купцами, в регионе, ставшем самым крупным территориальным приобретением государства в XVII столетии. Настоящая книга посвящена сибирским купцам — обычаям, к которым они пришли, стратегиям, к которым они прибегали в отношениях с государством, а также нишам, которые они заняли в сибирском пограничье вместе со своими друзьями, семьями и конкурентами.

СИБИРСКИЕ КУПЦЫ

Сцена сибирской торговли была удивительно разнообразной для такого упорядоченного и иерархического общества, как «московитское». Крайняя неоднородность торгового населения подтверждается тщательно сохранными страницами сибирских таможенных книг, из которых сразу становится ясно, что купцы делили рынок со служилыми, женщинами, мясниками, татарами и, до известной степени, чиновниками и коренными жителями¹. Настоящая книга посвящена тем, кто известен как привилегированные купцы. Они принадлежали к одной из трех групп, существовавших приблизительно с конца XVI века до 1720-х годов, членство в которых определялось государством. Три категории привилегированных купцов в Московии были таковы: гости, гостиная сотня и суконная сотня. Эти купцы почти всегда были русскими.

Прежде чем мы пойдем дальше, необходимо вкратце оговорить происхождение, льготы и обязательства привилегированных купеческих корпораций. Выяснить происхождение и смысл всех этих статусов сложно, потому что все они (гости, гостиные сотни, суконные сотни) прекрасно существовали до того, как стали формальными корпорациями, членство в которых определялось Московским государством. К примеру, в Московии XVI века параллельно существовало два вида гостей: те, чей статус определялся великим князем Московским, и те, чей статус им не определялся. Более того, их привилегии не только изменялись со временем, но и, что не удивительно в стране

¹ Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1915. С. 88.

«персональных договоренностей», могли быть разными в зависимости от тех или иных грамот. В числе самых распространенных льгот изначально были свобода от постоя военных, разрешение на частное винокурение и право на рассмотрение дела в суде в Москве. В целом можно сказать, что на протяжении XVII века привилегии стали более единообразными и многочисленными. К 1648 году гости были свободны от выплаты тягла в Москве, хотя, по всей видимости, они пользовались налоговыми льготами уже до того, как получили официальные грамоты, подтверждавшие эти льготы¹. Как правило, гости платили таможенные пошлины с товаров, которыми они торговали.

Каждый гость получал индивидуальную грамоту от царя, что было отражением московской политической культуры, построенной на личных связях, но грамоты, которая бы учреждала саму корпорацию, не было. Когда гости действовали в частном порядке, они очень напоминали влиятельных купцов в других государствах раннего Нового времени, не имевших официального статуса, который бы обязывал их к государственной службе. Когда же гости служили государству, их можно в функциональном плане сравнить с торговыми посланниками других стран, получившими назначение для выполнения конкретной задачи, — купцами, присланными от лица короля или хана. Их государственная служба, как правило, заключалась в том, что они комплектовали бюрократический аппарат, связанный с торговыми или фискальными вопросами, или выступали в роли торговых агентов царя. Их обязанности могли простираться и на другие сферы — например, контроль над строительными проектами или осуществление дипломатических миссий за границей. Это была в высшей степени привилегированная группа. Между 1613 и 1725 годами число гостей варьировалось от десяти (в 1725 году) до шестидесяти одного (в 1687 году), но в среднем составляло около тридцати двух².

Если гости были «генералами коммерческих проектов» России, то второй эшелон купцов, гостиная сотня, были «торговым

¹ ДАИ. Т. 3. № 44. С. 150–151 (26 августа 1658 г.).

² Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М.: Памятники исторической мысли, 1998. Т. 1. С. 113, 148, 171, 206.

войском», предназначенным для того, чтобы в любой момент выполнять обязанности, считавшиеся необходимыми для оздоровления финансовой ситуации в империи. В отличие от более эксклюзивной корпорации гостей, гостиная сотня и суконная сотня насчитывали несколько сотен купцов. Членство в этих корпорациях было наследственным и распространялось на всех близких родственников мужского пола (братьев, сыновей, племянников)¹. Суконная сотня гораздо менее заметна в государственных документах. В некоторых она упомянута особо, например в указе царя Федора в 1681 году, но многие государственные документы, упоминающие гостиную сотню, ни слова не говорят о суконной сотне². Тот факт, что плата за бесчестие «крупного» купца из суконной сотни была эквивалентна плате за бесчестие «среднего» купца из гостиней сотни, указывает на их более низкий статус³. Вероятно, их коммерческой нишей были шерстяные ткани, и они выполняли такие же служебные обязанности, как и члены гостиней сотни — например, служили в Сибирском приказе⁴. В какой-то момент в конце XVII века суконная сотня вошла в состав гостиней сотни⁵. Поскольку купцы суконной сотни практически не принимали участия в сибирской торговле, эта книга больше не будет уделять им внимания. Выполняя государственные обязанности, гости и купцы гостиней сотни вместе с тем стремились к собственной выгоде — когда не находились на государственной службе, а также, до известной степени, на задворках государственной службы. Мне ничего не известно о формальных встречах корпорации гостей, но между ними должна была существовать определенная координация, потому что именно гости определяли, кто

¹ Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества России в первой половине 17 века (по материалам росписей гостей, гостиней и суконной сотен). М.: Мосты, 1996. С. 3.

² ПСЗ-1. Т. 2. № 864. С. 307–310 (3 мая 1681 г.).

³ Смирнов П. П. Посадские люди Московского государства // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Киев: кн. маг. Н. Я. Оглоблина, 1912. Т. 3. С. 91.

⁴ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, 1592–1768: в 4 т. М.: Университетская типография, 1895–1901. Т. 4. С. 81.

⁵ Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century: Windows on the World. Boston: Brill, 2005. P. 203.

будет комплектовать ту или иную таможенную службу, а царь в это вмешивался редко¹.

Выбор определенного ракурса влечет за собой плюсы и минусы, это очевидно для любого проекта. В случае этой книги целью не является ни экономическая история, ни микроистория. В обзоре экономической истории, компонента столь же важного, сколь и неполного, я полагаюсь на существующую историографию. Чтобы стать микроисторией, эта книга должна была бы уделять гораздо больше внимания казакам, служилым, крестьянам и данникам. Таким образом, мой анализ деятельности тех, кто располагал юридическим статусом купца, не создаст полной картины сибирской торговли. Но он может пролить свет на социальную историю купцов в России и продемонстрировать взаимодействие между торговлей и государственным строительством на окраине в раннее Новое время. В Сибири история купцов включает в себя бухарцев — купцов-мусульман, переехавших в Сибирь из Центральной Азии и в награду за это получивших от Российского государства особые льготы, хотя и не вошедших в одну из трех описанных выше привилегированных групп. Настоящая книга пытается показать объемную картину коммерческой жизни в Сибири, обрисовать каждодневные решения и вызовы, а также пути, которыми государственные чиновники могли способствовать или препятствовать коммерческим интересам. Этот подход оправдан потому, что, хотя в теории государство стремилось облегчить деятельность купцов (и обложить ее налогом), на практике контроль центра над периферийной администрацией был осложнен расстоянием и давней традицией самообогащения, существовавшей до того, как чиновники стали получать фиксированное жалованье.

На страницах этой книги мы проследим семейные коммерческие предприятия, порой на протяжении нескольких поколений. Хотя концепция «семейного предприятия» широко известна в истории бизнеса, мы используем другую методологию. Истории семейных предприятий часто основываются на тщательном изучении делового архива. Затем эти записи вводятся

¹ Мерзон А. Ц. Таможенные книги: Учебное пособие о источниковедении истории СССР. М.: Б. и., 1957.

в более широкий контекст. Но когда речь заходит о предприятиях семьи Шабабиных или изучаемых в настоящей книге русских купцов, семейного архива не существует¹. Представленная здесь реконструкция основана на тех моментах, когда члены семьи взаимодействовали с государством. Представьте себе, например, историю Фугтеров или Рокфеллеров, в которой вся информация происходила бы не от деловых записей самой семьи, но от изучения государственных записей — разрешений на ту или иную деятельность, документов о выплате налогов и штрафов, заявлений на получение разрешений, виз и т. д. Когда историк лишен роскоши поместить в центр исследования записи самого учреждения, задача осветить историю семейного бизнеса на протяжении многих поколений становится куда более сложной. Историки, занимающиеся другими сферами, иногда критикуют чрезмерно государственный подход специалистов по истории России, видимо не понимая, что речь идет не о сознательном выборе исследователей, а о необходимости, продиктованной существующими источниками. Это относится и к настоящей истории.

СИБИРСКИЕ КУПЦЫ В БОЛЕЕ ШИРОКОМ КОНТЕКСТЕ

Присоединение Сибири началось в конце XVI века и было поверхностно завершено в течение семидесяти пяти лет, хотя до самого конца XVIII века Российское государство, пытаясь осуществлять свой суверенитет в Сибири, сталкивалось с серьезными трудностями. Ведение дел в обширных континентальных пространствах, на которые Россия только-только распространила свою власть, порождало свою собственную динамику, и историю сибирских купцов нельзя рассказать, не обращая внимания на государство, в котором они действовали, и на шедший вокруг них процесс строительства империи. Поэтому настоящая книга — еще и история Сибири, пограничных пространств, которые

¹ Единственные известные мне сохранившиеся купеческие архивы до XVIII века — архивы семей Строгановых и Панкратьевых. Источники просто не позволяют создать такие труды, как: *Rothschild E. The Inner Life of Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011, или *The Self-Perception of Early Modern Capitalists* / Ed. M. C. Jacob, C. Secretan. N. Y.: History, 2008.

государство стремилось контролировать, и живших там купцов. Когда речь заходит о Сибири, на ум сразу приходят ссыльные и пушнина, но история Сибири, о которой здесь повествуется, — это история империи, которая учится функционировать.

Задолго до того, как промышленная революция стала катализатором «экономического роста» и он обрел свою классическую роль средоточия политэкономии, произошла и другая революция. Государства эволюционировали и развились как организмы, отнюдь не сводившиеся к военным функциям, хотя именно возможность вести войну оставалась основой и движущей силой инноваций, о которых идет речь. По мере того как государства эволюционировали от «государств-вотчин» к «налоговым государствам», административное развитие основывалось на понимании, что эффективность государственного регулирования, посредничества и участия в торговле в большой степени служит условием его финансового благоденствия¹. Это было особенно верно в России, где от одной до двух третей государственных доходов составляли таможенные пошлины на ввоз и вывоз товаров. Наконец, эти важнейшие процессы государственного строительства происходили одновременно со строительством империй. И хотя некогда считалось, что государства сначала приводили в порядок собственный дом, а затем устремлялись во внешний мир, эта модель разваливается при более внимательном изучении материала. Она безусловно не работает в России.

Кроме того, историю сибирских купцов невозможно рассказать, не приняв во внимание более широкий контекст растущей мировой экономики, в котором Россия оказалась более тесно связанной с Востоком и более плотно интегрированной во все более динамичную мировую экономику. Определяющей чертой раннего Нового времени является то, что межкультурные взаимодействия, существовавшие на протяжении столетий, получили новый толчок, стали более масштабными и оказались

¹ *Glete J. War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal-Military States, 1500–1660.* London; N. Y.: Routledge, 2002; *The Rise of the Fiscal State in Europe, c. 1200–1815 / Ed. by R. Bonney.* N. Y.: Clarendon Press, 2000; *Brewer J. The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688–1783.* Boston: Harvard University Press, 1989.

по-новому в фокусе политического внимания. Как пишет Марта Хауэлл, «между 1300 и 1600 годами торговля вышла за пределы, где она была вынуждена существовать на протяжении веков»¹. Говоря о том, что торговля «вышла за пределы», она имеет в виду, что торговля на дальние расстояния теперь затрагивала не только элитные дворы и ограниченное число купцов и торговых агентов, обеспечивавших связанные с ней нужды и желания². Конечно, нельзя сказать, что в Средние века крестьянину или бедному горожанину никогда не доставалось даже образчика шелка, но теперь плоды дальней торговли стали более непосредственно затрагивать жизнь людей повсюду. Сахар с Антильских островов, ситец и хлопок из Индии, лекарственный ревень и чай из Китая, сукно из Англии или меха с Великих озер или из Сибири стали предметами, известными и простонародью. Россия участвовала в этих глобальных изменениях, хотя ее особенности и делают российскую историю уникальной. Поэтому настоящая книга показывает переплетение семейных судеб и судеб империи. Первая и вторая части книги в первую очередь посвящены описанию и объяснению ведомственной, социальной и физической среды, в которой действовали купцы. Книга стремится познакомить своих читателей с местной, имперской и глобальной динамикой, влиявшей на жизнь сибирских купцов, хотя и не устанавливает точной связи между этими тремя измерениями.

На фоне головокругительной геополитической динамики и метаструктурных сдвигов в политической экономике люди жили и торговали. Хотя купцы присутствуют во всех частях настоящей книги, на авансцену они выходят в третьей части. В главе 6 прослеживается история семьи Филатьевых, чьи предприятия в сибирской и китайской торговле позволили им

¹ Howell M. C. *Commerce before Capitalism in Europe, 1300–1600*. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. P. 1.

² Дальняя торговля даже в древние времена не сводилась к предметам роскоши. Хлеб и сушеная рыба путешествовали на дальние расстояния, часто выполняя роль балласта на кораблях. Но в раннее Новое время число тех, кто участвовал в дальней торговле, значительно выросло. *De Vries J. Connecting Europe and Asia: A Quantitative Analysis of the Cape Route Trade, 1497–1795 // Global Connections and Monetary History, 1470–1800 / Ed. by D. O. Flynn. Burlington, VT: Aldershot, 2003. P. 35–105. В особенности см.: P. 91–92.*

подняться на вершину московского коммерческого мира. Глава 7 посвящена истории бухарской семьи купцов-мусульман, переехавших в Тюмень из Центральной Азии и на протяжении столетия процветавших в роли купцов и, время от времени, государственных служащих, при этом сохраняя свое мусульманское вероисповедание. Глава 8 спускается на еще более низкий уровень коммерческой иерархии, прослеживая историю семьи Норицыных, которые так и не достигли выдающегося положения, но почти повсеместно упоминаются среди привилегированных купцов, а в сибирской торговле заметны и сами по себе. В этой главе речь заходит и о купцах из гостинной сотни, которые были особенно вовлечены в китайскую торговлю.

Изучение истории всех этих купцов на местном уровне служит иллюстрацией прагматичности Российской империи. Это особенно важно в случае бухарцев, история которых вносит немалый вклад в историю ислама в империи. После «имперского поворота» 1990-х годов специалисты по России начали сокращать разрыв между собой и другими специалистами по европейской истории, и постколониальный подход стал единственным, который считался приемлемым. Судьба покоренных народов, их приспособление и сопротивление стали сверхпопулярными темами; в центре особенного внимания оказались интеллектуальные элиты коренных народов¹. В постсоветском мире произошел взрыв исследований по национальной тематике². Когда ученые начали писать историю российской периферии, где жило большинство российских мусульман, тематика

¹ Morrison A. The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 4. P. 918–920.

² В советское время, безусловно, существование в Российской империи мусульман не игнорировалось. Публиковались бесценные сборники документов, посвященные Центральной Азии (Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. М.: Изд-во АН СССР, 1932. Т. 3. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII веках; Русско-монгольские отношения, 1685–1691: сборник документов в 4 т. / Сост. Г.И. Слесарчук. М.: Восточная литература РАН, 2000). В западном исследовательском сообществе тему конфессиональной сложности Московии задал Эдуард Кинан в своей диссертации: Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: A Study in Steppe Politics. PhD diss., Harvard University, 1965. Работа Дональда Островского (*Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, UK: Cambridge*

ислама в Российской империи заняла почетное место. Террористический акт 11 сентября, чеченские войны, рост татарского национализма и демографические прогнозы, предсказывающие опережающий рост числа мусульман в России, тоже внесли свой вклад в то, что история мусульман оказалась на авансцене. Как и в большинстве постсоветских исследований, посвященных торговле, подавляющее большинство исследований фокусируется на современности¹. Кроме того, оно в большой степени посвящено вопросам идентичности, и ученые дискутируют о том, до какой степени исламский опыт отражается в государственных архивах и т. д.² Этот «преимущественно культурный» акцент привел к тому, что «прошло двадцать лет, как на Западе начались серьезные исследования Центральной Азии в XIX веке, а мы по-прежнему, когда речь идет о понимании социальных и экономических перемен в царское время, пользуемся нарративом советской эпохи», пишет Александр Моррисон³.

Время и место, в которых я работаю, в большой степени скрывшие от историка подробности личной жизни и менталитета, сделали культурную историю русских купцов XVII века, которую я хотела бы написать, практически невозможной. Там, где я находила подобные детали, я вставляла их в свое повествование в надежде, что читатели, страдающие от подобной нехватки, отнесутся к этому снисходительно. Где меня к этому побуждают источники, книга выходит за рамки коммерческой

University Press, 1998), начатая задолго до 1991 года, обращалась к наследию монгольского ига в русской истории, и ее подход предвосхищал будущий расцвет постсоветских работ по роли ислама в истории России.

¹ Большинство этих трудов географически сфокусировано на Кавказе и поволжских татарах, а хронологически — на XIX столетии и более позднем времени. Моя книга является продолжением исторических трудов Ланцева, Фишера, Пирса и Хиттла, писавших несколько десятилетий назад. Исключение — история коренных народов Сибири Форсайта: *Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990*. N.Y.: Cambridge University Press, 1992.

² Стивен Коткин призывает ученое сообщество выйти за рамки идентичности. См.: *Kotkin S. Mongol Commonwealth? Exchange and Governance across the Post-Mongol Space // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. № 3. P. 487–531. См. также дискуссию: *Ex Tempore: Orientalism and Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1. № 4. P. 691–727.

³ *Morrison A. The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons*. P. 933.

жизни и рассматривает вопросы вероисповедания: например, изучая участие сибирских бухарцев в проповеди или религиозном образовании татарского населения. Торговля и вероисповедание, в конце концов, путешествовали рука об руку. Если это создаст у читателя тематический диссонанс, пусть это послужит напоминанием о том, что роль купцов не ограничивалась экономикой, а жизнь не делилась на четко обозначенные ячейки. Священники и муллы сопровождали караваны, пересекавшие Евразию, а купцы во всех вопросах обращались с молитвами к Богу.

ИМПЕРСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Я уделяю главное внимание торговле в Российской империи, в то время как преобладающая тематика трудов по России раннего Нового времени фокусируется на природе Российского государства и его отношениях с обществом. В своем «Народе, рожденном в рабстве» Маршалл По показал, что политическая культура московитов не заботила первых европейцев, писавших о ней, но стала центральной темой начиная с XVI века (Герберштейн, Флетчер), задав тематику для ученых и исследователей на последующие века (хотя это не было предрешено, потому что эти писатели не в меньшей степени интересовались московской экономикой). Государство (и его отношения с обществом) имели чрезвычайное значение для первых поколений русских профессиональных историков, труды которых несли на себе отпечаток их государственных, марксистских или народнических симпатий. Когда Ричард Пайпс со своей патримониальной моделью возобновил дискуссию о природе Российского государства, он шел проторенной дорогой. В своем пылком и влиятельном тексте Пайпс описал государство, в котором царю принадлежало все, а свободы не было¹. Труды таких ученых, как Эдуард Кинан, и тех, кого называли Гарвардской школой, показали, что пайпсовская модель деспотизма — домысел. Кинан высказал мнение, что московский царь был сильнейшим образом ограничен в своих

¹ Pipes R. *Russia under the Old Regime*. N. Y.: Penguin Book, 1974. Русский перевод: Пайпс Р. *Россия при старом режиме* / Пер. В. Козловского. М.: Захаров, 2012.

действиях, а жесткая политика отражала теократические принципы московских элит; «фальшивое подобострастие перед самодержавным царем» скрывало тот факт, что цари в действительности были «заложниками (в этом истинная тайна) олигархий боярских кланов»¹. Историки конца XX века уточнили картину, задав скептические вопросы к враждебным высказываниям тех, кто писал о московской политической культуре в раннее Новое время, и создав более нюансированный, аналитически и эмпирически здравый образ московской политической культуры, в которой нормой была политика консенсуса, а взаимоотношения государства и общества были во многом обоюдными и личными². Их труды внесли в рассмотрение Московского государства гораздо более богатую картину общества. В изучении отношений между государством и обществом главной задачей были юридические и политические права³.

Тем временем, что, возможно, более важно для настоящей книги, главы из книги Пайпса, описывавшие бедность России — ее бедные почвы, бедные урожаи, бедных крестьян, дурной

¹ Keenan E. L. Muscovite Political Folkways // *Russian Review*. 1986. Vol. 45. № 2. P. 132, 145.

² Kollmann N. Sh. The Concept of Political Culture in Russian History // *A Companion to Russian History* / Ed. by A. T. Gleason. Oxford, UK: Blackwell Publishing Ltd, 2009. P. 89–104; Rowland D. Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s–1660s)? // *Russian Review*. 1990. Vol. 49. P. 125–155; Poe M. The Truth about Muscovy // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. № 3. P. 473–486; Kivelson V. A. On Words, Sources, Meanings: Which Truth about Muscovy? // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. № 3. P. 487–499. По выступает против того, что он называет «Гарвардской школой», — взглядов Коллманн, Кивельсон и других. Martin R. *A Bride for the Tsar: Bride Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2012.

³ Kollmann N. Sh. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. N. Y.: Cambridge University Press, 2012 (на рус.: Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016); Eadem. *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999; Kivelson V. A. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996; Eadem. *Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom* // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. P. 465–489; Eadem. *Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006; Ostrowski D. *The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia* // *Comparative Studies in Society and History*. 2002. Vol. 44. № 3. P. 534–563.

климат и плохо кормленный скот, — были на протяжении целого поколения стандартным чтением для всех, кто не занимался собственно экономикой¹. «Господин и крестьянин» Джерома Блюма, труд Аркадия Кэхэна, посвященный XVIII веку, более недавние труды Ярмо Котиляйне, посвященные XVII веку, а также «Хлеб на водах» Роберта Джонса стали исключениями в западной историографии, для которой политическая экономия не была приоритетной темой². Но и эти труды, за исключением трудов Котиляйне, тоже распространяли образы русской бедности и отсталости³. Такие ремарки, как у Витсена («Считают, что Сибирь, особенно южная часть, одна из самых благословенных частей мира. На лугах много скота, в лесах много зверей и птиц. Реки богаты самой лучшей рыбой»)⁴, не имели особых шансов на успех в трудах специалистов по России. Поэтому все, кажется, усвоили образы тощих коров Пайпса (обездоленных в сравнении

¹ Другой влиятельный текст, подчеркивающий физическую бедность Московии, — Keenan E. L. *Muscovite Political Folkways*. P. 115–181, особенно P. 121.

² *Blum J. Lord and Peasant in Russia, from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961; *Kahan A. The Plow, the Hammer and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia* / Ed. by R. Hellie. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1985; *Kotilaine J. T. Quantifying Arkhangel'sk's Exports in the 17th Century* // *Journal of European Economic History*. 1999. Vol. 28. № 2. P. 276–292; *Foust C. Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and Its Setting*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1969; *Kotilaine J. T. Competing Claims: Russian Foreign Trade via Arkhangel'sk and the Eastern Baltic Ports in the Seventeenth Century* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2003. Vol. 4. № 2. P. 279–311; *Kotilaine J. T. Mercantilism in Pre-Petrine Russia* // *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in 17c. Russia* / Ed. by J. Kotilaine, M. Poe, N.Y.: RoutledgeCurzon, 2004. P. 137–166; *Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade*; *Jones R. E. Bread upon the Waters: The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2013. См. также: *Hellie R. The Economy and Material Culture of Muscovy, 1600–1725*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1999; *Arel M. S. The Arkhangel'sk Trade, Empty State Coffers, and the Drive to Modernize: State Monopolization of Russian Export Commodities under Mikhail Fedorovich* // *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in 17c. Russia* / Ed. by J. Kotilaine, M. Poe. N.Y.: RoutledgeCurzon, 2004. P. 167–193.

³ Наиболее влиятельные формулировки см.: *Gerschenkron A. Europe in the Russian Mirror: Four Lectures in Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

⁴ *Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии: в 3 т. / Пер. В. Г. Трисман. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С. 1019.*

с обитательницами молочных ферм пастушеской Европы), сравнение основной динамики московской экономики с выжатым лимоном, происходящее от английского путешественника Джайлса Флетчера, а также допущения о русской бедности как следствии плохо функционирующей экономики. Однако, помимо только что описанного бурного мира торговли, есть и другие сведения, уже собранные или появляющиеся сейчас, — например, попытки подсчитать суммы, которые Россия тратила на выкуп пленных или на полевые армии, рассказы о Московии, в которых звучит восхищение богатством страны, долгожительством и выносливостью ее подданных, — это указывает, что представление о российской бедности может заслуживать пересмотра. Разумеется, это богатство было неравно распределено, но насколько уникальной была Россия в этом отношении?¹

В то время как западные ученые XX столетия дискутировали о природе государства, историографическая традиция позднеимперской и советской России имела свои особенности. Когда в XIX веке история стала отдельной профессией, Россия оказалась на ее переднем крае, и не только в вопросах своей собственной истории. Русский историк Павел Виноградов произвел революцию в понимании средневековой Англии, а М. И. Ростовцев внес не менее важный вклад в изучение древнего мира². В. О. Ключевский, великан в сфере истории России, а также другие русские историки были новаторами в сфере социальной истории³. В то время как в других национальных традициях составлялись более строго политические истории,

¹ *Hellie R. Great Wealth in Muscovy: The Case of V. V. Golitsyn and Prices of the 1600–1725 Period // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 226–270.*

² *Vinogradoff P. Villainage in England: Essays in English Mediaeval History. Oxford: Oxford University Press, 1892; Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, UK: Clarendon Press, 1926; Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, UK: Clarendon Press, 1959.*

³ Экономист М. И. Туган-Барановский (1865–1919) был политиком-марксистом, стремившимся соединить кантовскую этику с материалистическим подходом. Направление его мысли, по-видимому, предвосхищало Франкфуртскую школу, сложившуюся много десятилетий спустя. См.: *Barnett V. Tugan-Baranovsky, the Methodology of Political Economy, and the «Russian Historical School» // History of Political Economy. 2004. 36. № 1. P. 79–101.* В этом же ключе можно рассмотреть труды С. Ф. Платонова, Е. Д. Сташевского, П. Н. Милукова и Ю. В. Готье.

Ключевский погрузился в нижние слои общества, стремясь дать личности и жизни русского крестьянина и солдата столь же богатую характеристику, как и интригам династической политики. Столь плодотворный подход был во многом обусловлен особенной средой, сложившейся в имперской России. Интеллигенция остро воспринимала государственную власть. Социалистические и марксистские симпатии, распространенные среди русских интеллигентов XIX века, повысили их чувствительность к тому, как жизни подданных завясят от государства и от материальных условий жизни¹. Но если подобная чувствительность подарила определенное сравнительное преимущество русским историкам XIX века, в советскую эпоху она оказалась чрезмерной. Жесткие марксистские требования опустошили русскую историческую традицию. Историописание уступило место грубым материалистическим интерпретациям, неизбежно зависящим от заявлений Ленина и Сталина, чьи имена в указателях советской историографии нарушали алфавитный порядок. После террора 1930-х годов некоторые историки нашли прибежище в количественных методах и в издании документов. Другие, более смелые историки зашли так далеко, что облекли в одобряемую государством риторику очевидно противоположные ей выводы. Это привело к появлению некоторого числа публикаций, приводящих исследователя в замешательство².

Ставки у советских историков-марксистов были высоки. От них зависела легитимность большевистской революции. С точки зрения некоторых, русская революция не имела никакого права на марксистскую легитимность, потому что в России не было достаточной численности пролетариата, чтобы, в соответствии с марксистской теорией, произвести революцию. Но большевики никогда не позволяли фактам стоять на дороге у судьбы. Интеллектуальное спасение революционного проекта было бы

¹ *Emmons T. Kliuchevsky and His Pupils // Modern Russian Historiography / Ed. by A. G. Mazour. Westport, CT: Praeger, 1975. P. 118–145; Sanders T. J. Historiography of Imperial Russia. N. Y.: Routledge, 1999.*

² См.: *Черепнин Л. В. И. В. Сталин о русском феодализме // Ученые записки МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1952. Вып. 156. С. 3–18.* Эта статья являет собой тревожный эпизод, показывающий, как ученые вынужденно превращались в сикофантов, восхваляющих теории Сталина. Черепнин избежал вопросов об интерпретации своего текста, нанизав несколько цитат из И. В. Сталина на с. 13.

доступно, если бы удалось продемонстрировать, что у России была капиталистическая экономика. Поэтому советские историки бросили свою энергию на то, чтобы доказать: российская экономика была в достаточной мере развита, чтобы заслуживать марксистскую революцию. Для этого необходимо было продемонстрировать наличие развитой промышленности и единого национального рынка. Этот приоритет возобладал и в сибирской историографии, где историки отыскивали корреляцию цен, которая доказала бы существование всероссийского рынка¹. Поток впечатляющих эмпирических исследований становился мутным из-за теоретических аксиом, подобных сталинской борьбе с космополитизмом, — и советским выводам было сложно верить. Советские труды, делавшие масштабные выводы, часто основывались на удивительно узком круге источников. К примеру, ценнейший труд Б. Б. Кафенгауза был основан на подробном изучении всего тринадцати таможенных книг — малой части того, что составило бы полную выборку². Другим последствием стало то, что советские труды глядели на все исключительно с российской точки зрения. Их намерением было не столько дать оценку месту России в мире или сравнить ее с другими странами (несмотря на комментарии интеллигентов XVIII и XIX века, называвших Сибирь «нашим Перу» или «нашей Мексикой»³), сколько оценить соотношение России с теоретической моделью развития.

Наконец, хотя пути обратно в Серебряный век не было, при общей карикатурности советской историографии в ней были свои достоинства. Советские ученые обращали больше внимания, чем западные, на крестьянские заботы и крестьянские восстания. Сравнительное обилие работ по изучению источников и публикаций документов подарило богатый материал историкам,

¹ Один из бесчисленных примеров см.: *Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. С. 1. Он детализирует хронологию складывания рынка по отраслям: соль в 1640-х годах, металл в 1660-х, юфть и вино в конце XVII — начале XVIII века.

² *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (по материалам внутренних таможен). М.: Изд-во АН СССР, 1949.

³ См.: *Bassin M.* Geographies of Imperial Identity // *The Cambridge History of Russia. Vol. 2. Imperial Russia, 1689–1917* / Ed. by D. Lieven. P. 45–63. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006. P. 48.

находившимся за пределами России; доступ в советские архивы был жестко ограничен для американцев, и эти публикации стали доказательной базой множества научных работ. Но это достоинство останавливалось на границе предпринимательской деятельности. Хотя российская имперская и советская историография были поистине новаторскими в отношении социальной истории, историки не были склонны изучать социальную историю предпринимателей, опасаясь быть уличенными в опасных буржуазных симпатиях. Будучи средством передачи товаров, купцы неизбежно составляли часть прошлого, но индивидуальный купец не был предметом исследования¹.

В то время как советские ученые были заняты описанием того, как создавался всероссийский рынок², западные специалисты холодной войны писали историю неудачи капитализма³. Не имеющий себе равных (среди западных историков) вклад

¹ В числе редких исключений: *Бахрушин С. В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Труды Института истории РАНИОН. М.: Институт истории РАНИОН, 1926. Вып. I. С. 355–390; *Базилевич К. В.* Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в. Л.: Изд-во АН СССР, 1933; а также труды Александрова. Более подробно о советских трудах, посвященных купцам, см.: *Monahan E.* Trade and Empire: Merchant Networks, Frontier Commerce and the State in Western Siberia, 1644–1728. PhD diss., Stanford University, 2007. P. 32–38, 81–85.

² *Бахрушин С. В.* К вопросу о предпосылках всероссийского рынка // Бахрушин С. В. Научные труды: Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—начала XVII в.: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1959 Т. 1. С. 23–326; *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России; *Преображенский А. А., Тихонов Ю.* Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка // Вопросы истории. 1961. № 4. С. 80–109; *Тихонов Ю. А.* Проблема формирования всероссийского рынка в современной советской историографии // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: сб. статей / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1970. С. 200–223; *Устюгов Н. В.* Экономическое развитие Русского государства в XVII в. и проблема складывания всероссийского рынка // Устюгов Н. В. Научное наследие. Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. Народы Средней Азии и Приуралья в XIII–XVIII вв. М.: Наука, 1974. С. 18–74; *Мионов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981.

³ *Baron S. H.* The Weber Thesis and the Failure of Capitalist Development in «Early Modern» Russia // Baron S. H. Muscovite Russia: Collected Essays. London: Variorum Reprints, 1980. P. 321–326; *Gershenkron A.* Europe in the Russian Mirror. P. 119–151; *Kahan A.* The Plow, the Hammer and the Knout. Барон согласился, что в XVII веке сложился всероссийский рынок.

Сэмюэла Барона пролил яркий свет на эту тему. Надо отдать должное Барону: он стал первопроходцем на пути купеческих историй тогда, когда другие этим не интересовались, и если англоязычный мир начал что-то понимать о купеческом классе России раннего Нового времени, это было в основном результатом трудов Барона. Более того, интеллектуальная повестка, которую выдвинул Барон, с особым вниманием к истории капитализма, купеческой культуре и передаче знания, опередила свое время. Но и его труды, при всей своей важности, тоже внесли свой вклад в закрепление того, что обычно известно как «нарратив неудачи» в российской истории. Согласно Барону, главной причиной «неудачного» развития капитализма в России стало удушающее государство, но, помимо этого, еще и отсталая, опасаящаяся рисков, дисфункциональная купеческая культура¹. То, что купцы проявили «неспособность усвоить динамический дух, накопленный опыт и методы западной коммерции, приговорило Россию к постоянной отсталости»².

В 1980 году Пол Бушкович опубликовал книгу «Московские купцы, 1580–1650 годы», в которой поставил под вопрос выводы Барона и его предшественников. Исходя из того, что историю купцов нельзя осмысленно рассказывать, не чувствуя экономический контекст, в котором они жили, Бушкович попытался, опираясь на удручающе фрагментарные сведения, составить целостное представление о политической экономии Московского государства в конце XVI—XVII веке. Вследствие этого в его монографии сами купцы потерялись за экономической историей. Хотя Бушковича критиковали за этот недостаток, тот факт, что мало кто обратился к этому важнейшему предмету в последующие десятилетия, говорит сам за себя. Название настоящей книги, «Сибирские купцы», указывает на вклад Бушковича и продолжает его дело — пересмотр нарратива о неудаче. Структура книги основана на полнейшем согласии с его взглядом, что контекст совершенно необходим, если мы хотим хоть

¹ *Baron S. H. Entrepreneurs and Entrepreneurship in Sixteenth-Seventeenth Century Russia // Baron S. H. Explorations in Muscovite History. Brookfield, England: Routledge, 1991. P. 27–58.*

² *Baron S. H. The Muscovy Company, the Muscovite Merchants and the Problem of Reciprocity in Russian Foreign Trade // Baron S. H. Muscovite Russia. P. 155.*

в какой-то степени понять самих купцов, поэтому пять первых глав посвящены контексту, но вместе с этим я пытаюсь подойти ближе, чем он, к описанию жизни самих купцов.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Крушение Советского Союза освободило советских ученых от необходимости придерживаться марксистских рамок. Западные ученые, которых никогда не сковывали идеологические требования, ограничивавшие свободу их советских коллег, обнаружили перед собой широчайшее поле для исследований. Не стоит удивляться, что история купцов стала важнейшей темой исторических исследований. Используя куда более распространенные источники XIX века, ученые постсоветского периода немало сделали для написания истории купцов в России. В Сибири произошел расцвет научных исследований¹. Подавляющее большинство этих трудов посвящено позднеимперскому периоду и написано в триумфальном тоне, что совершенно понятно: российские ученые стремятся реабилитировать оклеветанный класс. В 1990-х годах, когда многие оптимисты считали, что Россия движется к рыночной (не чрезмерно зарегулированной) экономике, подобные исследования казались естественным поиском прошлого, опыт которого можно будет применить на деле.

Работы российских ученых по раннему Новому времени отстают по количеству, но компенсируют это качеством. Н. Б. Голикова (1914–2008) внесла самый важный вклад в изучение этой темы, тщательно установив членство в самом высокопоставленном классе купцов, среди гостей, которые становились таковыми, только получив от царя личную грамоту, а также в гостинной сотне — втором по значимости классе купцов². Ее труд

¹ Мало какие недавние труды обращаются к социальной и культурной стороне сибирской экономической жизни в раннее Новое время. Существующие работы по экономической истории в основном ограничиваются анализом товаров и цен. Исторически, сосредоточившиеся на сибирской социальной жизни, уделяли первоочередное внимание военным и администраторам. Антропологи уделили местному населению больше внимания, чем историки.

² Третий привилегированный класс купцов, суконные сотни, не удостоился подробного исследования Голиковой или Барона. По всей видимости, в конце XVII века эта группа была включена в состав гостинной сотни.

«Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVII в.» представляет собою скорее энциклопедию, нежели монографию; это труд, который, опираясь на эмпирические факты, предлагает качественно новую интерпретацию привилегированных купеческих классов России¹. Второй том, опубликованный уже после смерти исследовательницы, посвящен месту, которое привилегированные купцы занимали в российском обществе². Ее количественный анализ в значительной степени соответствует тем вопросам, которые наметил Сэмюэл Барон: кто были гости? Кто входил в число гостей (новые люди или представители привилегированных семей)? Как долго семьи оставались привилегированными? Ученицы Голиковой, Л. А. Тимошина и Н. В. Козлова, тоже издали ценные труды, посвященные купцам раннего Нового времени³. В. Б. Перхавко, Т. А. Лаптева и Т. Б. Соловьева многое добавили к нашим знаниям о русских купцах в раннее Новое время⁴. За пределами России было проделано гораздо меньше работы. На английском языке купцам XVIII века был посвящен один труд, «История русского купца» Дэвида Рэнсела, и несколько статей⁵. За редким исключением, ракурс недавних трудов, посвященных купцам,

¹ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации.

² Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в. М.; СПб.: АЛЬЯНС-АРХЕО, 2012. Т. 2.

³ Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой / Под ред. Л. А. Тимошиной и др. М.: Археографический центр, 1994; Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII вв. / Сост. Л. А. Тимошина. М.: Эдиториал УРСС, 2001. Т. 1; Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — начало 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999; Городская семья XVIII века: Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост. Н. В. Козлова. М.: Изд-во МГУ, 2002.

⁴ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.: сб. документов / Сост. Т. Б. Соловьева, Т. А. Лаптева. М.: РОССПЭН, 2004; Перхавко В. Б. Первые купцы российской. М.: Русское слово, 2006; Перхавко В. Б. Первые московские купцы // Преподавание истории в школе. 1994. № 2. С. 4–6; Перхавко В. Б. Торговый мир средневековой Руси. М.: Academia, 2006; Перхавко В. Б. История русского купечества. М.: Вече, 2008.

⁵ Ransel D. A Russian Merchant's Tale. Bloomington, IN, 2008; Bernstein L. Russian Eighteenth-Century Merchant Portraits in Words and Oil // Slavic and East European Journal. 2005. Vol. 49. № 3. P. 407–429.

чисто русский¹. Кроме того, нарратив неудачи продолжает быть весомым, несмотря на вмешательство Пола Бушковича.

Мой труд вступает в яркий мир постсоветского историописания. Вкратце, эта книга осуществляет два базовых вмешательства в историографию истории России. Во-первых, она стремится к пересмотру выводов Сэмюэла Барона, считавшего, что государство надело смирительную рубашку на экономический рост. Во-вторых, необходимо пересмотреть оценку российских купцов как крайне пассивных и опасаящихся идти на риск. Описывая их именно такими, Барон непосредственно заимствовал оценки двух враждебно настроенных авторов XVII века — шведского дипломата Иоганна Кильбургера и московского «диссидента» Григория Котошихина. Их отзывы были взяты на вооружение и русским историком С.М. Соловьевым, жившим в годы, когда дискуссия западников и славянофилов достигла своей кульминации. Таким образом, и западная, и российская историография в равной степени распространяли ограниченный, искажающий реальность и крайне немилосердный взгляд на русских купцов.

До той степени, до которой эти характеристики были верны, они касались многих купцов раннего Нового времени по всему миру. Разумеется, русские купцы были консервативны. Но идея о том, что стремление избежать риска было отличительной чертой русских купцов, рассыпается при более близком знакомстве с темой. Нормальными задачами были прежде всего стабильность, а через некоторое время после этого статус. Многие купцы стремились покинуть свой класс, если у них была к этому возможность. Стремление купцов избавиться от уязвимости денег, приобретя статус и стабильность землевладельца, в ретроспективе смотрится глупо, потому что мы знаем, что ликвидность стала высшей мерой власти. Но никто не действовал, обладая всей информацией. Этот импульс был столь же верным для русских купцов, добровольно плативших налоги,

¹ Исключения: *Демкин А.В.* Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века. М.: ИРИ, 1992; *Демкин А.В.* Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М.: Б.и., 1992; *Kotilaine J. T.* Russian Merchant Colonies in Seventeenth-Century Sweden // *Merchant Colonies in the Early Modern Period* / Ed. by V. Zakharov, G. Harlaftis, O. Katsiardi-Hering. London: Routledge, 2012. P. 85–101. Это наблюдение не относится к многочисленным трудам, посвященным торговле России с иностранными государствами.

которые им были не по карману, лишь бы сохранить высокий статус и позволить, таким образом, своим детям посещать определенные школы, как и для итальянских купцов раннего Нового времени, которые возышались до того, что покупали усадьбы в окрестностях города¹. Итальянский пример показывает, что национальная историография была слишком сурова не только по отношению к русским. Итальянские города-государства были «покинуты своими коммерческими элитами, которые на протяжении XVI, XVII и XVIII веков совершали то, что можно было назвать разве что „изменой“. Они не предприняли ни единой попытки оживить торговую, финансовую и промышленную основу своих городов и удалились в сельскую местность как неодворянские землевладельцы в рамках „повторной феодализации“ итальянской сельской экономики»².

Другие исследователи тоже недавно подчеркнули консерватизм европейских купцов раннего Нового времени и их склонность к избеганию рисков; на протяжении долгого времени семейные отношения и экономика, строившаяся на подарках, были более распространены среди этих купцов, чем «рациональное управление»³. Альфред Рибер винил русских купцов в том, что они не ценили высшее образование, но «Универсальный словарь торговли и коммерции», опубликованный в Лондоне в 1774 году, сообщал, что помимо арифметики, бухгалтерского учета, иностранных языков и иностранной истории будущие купцы не должны ничему учиться. Такие предметы, как «латынь, грамматика, риторика и философия», оказались не только «бесполезны, но и очень вредны»⁴. Если в Цинском Китае купец, наживший состояние на соли, начинал покровительствовать учености, его

¹ Rieber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Charlotte, NC: University of North Carolina Press, 1982.

² Musgrave P. The Early Modern European Economy. N. Y.: Palgrave Macmillan, 1999. P. 114.

³ Duplessis R. S. Review of The Early Modern European Economy, by Peter Musgrave // Journal of Economic History. 2000. Vol. 60. № 3. P. 877–878.

⁴ Rieber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. P. 25; Postlethwayt M. The Universal Dictionary of Trade and Commerce. 4th ed. N. Y.: A. M. Kelley, 1971. Эта книга, впервые вышедшая в 1766 году, была переводом французского руководства, опубликованного при поддержке государства веком раньше: Savary J. Le parfait négociant, ou Instruction générale pour ce qui regarde le commerce des marchandises de France et des pays étrangers. Paris: Louis Billaine, 1675.

обвиняли в том, что он выбрасывает на ветер семейное богатство¹. Аналогичные открытия касательно государственного регулирования показывают, что Московия не так уж сильно отличалась от других стран. Ее часто обвиняют в ксенофобии и изолированности, но обращение с купцами, приехавшими издалека, в Москве было в высшей степени дружелюбным по сравнению с теми ограничениями и проверками, с которыми сталкивались купцы, приезжавшие в XVII столетии в Колонию Массачусетского залива². Что особенно важно, внимание к государственному вмешательству и патронажу в западноевропейских экономиках раннего Нового времени угрожает затмить собой упор на спрос, предложение и дух готовности к рискам, который, согласно классической теории политической экономии, подарил Западной Европе ее особое место в мировой истории³. Эти примеры приводят нас к главной беде исторических трудов о русских купцах, написанных российскими имперскими исследователями и западными авторами времен холодной войны. Они делали непродуктивные сравнения. Такие ученые имперского периода, как С. М. Соловьев, видели русских купцов через призму внушенного комплекса неполноценности, оставшегося в наследство от Петра Великого⁴. Такие ученые времен холодной войны, как Барон, сравнивали русских купцов с веберовским идеалом капиталистического поведения, не имевшим особенного сходства с реалиями того времени⁵.

¹ *Ping-ti Ho*. The Salt Merchants of Yang-chou: A Study of Commercial Capitalism in Eighteenth-Century China // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1954. Vol. 17. № 1–2. P. 130–168.

² *Bailyn B.* The New England Merchants in the Seventeenth Century. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1955.

³ *Adams J.* The Familial State: Ruling Families and Merchant Capitalism in Early Modern Europe. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005; *Dechene L.* Habitants and Merchants in Seventeenth-Century Montreal / Transl. by L. Vardi. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1992; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / Пер. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1988. С. 591.

⁴ *Соловьев С. М.* Московские купцы в XVII в. // *Соловьев С. М.* Сочинения: в 18 кн. Кн. 20. Дополнительные работы разных лет / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Мысль, 1996. С. 508.

⁵ См. несколько статей из числа собранных Бароном в двух сборниках: *Baron S. H.* Explorations in Muscovite History; *Baron S. H.* Muscovite Russia.